

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

ББК: Ш100.3 + Ш140 + Ш141.12 + Ш141.2

**УДК: 81'22:81'27 + 81'373 + 81'272.3 + 81'25 + 81'38 + 159.9:81'27
(=161.1=111=521)**

А. Р. Нурутдинова¹

ORCID: 0000-0001-5759-0820

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, ул. Кремлевская, д.18, корп.1, Россия,*

Республика Татарстан, г. Казань,

AiRNurutdinova@kpfu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЧЕРЕЗ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЛОКУСЫ (ЗУБЫ / ЯЗЫК) В РАМКАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ТРЕХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Исследование осуществляет параметризацию механизмов вербализации эмоциональных состояний в рамках паремиологического фонда в разноструктурных языках и направлено на соматическую репрезентацию аффектов, реализуемую опосредованно, через периферийные концепты соматического кода – «зубы» и «язык», – в противовес каноническим центрам эмотиологии («сердце», «душа»). Методологический аппарат базируется на принципах когнитивно-дискурсивной парадигмы, лингвокультурологического и концептуального анализа, интегрированных в сравнительно-сопоставительную методологию. Центральной задачей выступает выявление и систематизация параметров (когнитивных, семантических, прагматических, аксиологических), конституирующих специфику эмоционального кодирования в исследуемых паремиологических системах посредством указанных телесных маркеров. Исследование предполагает детерминацию следующих аспектов. 1) Структуризацию семантических полей концептов «зубы» и «язык» в их

¹ Нурутдинова Аида Рустамовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры контрастной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

паремиологической проекции на эмоциональную сферу, включая анализ метафорических и метонимических трансферов, фреймовых сценариев и концептуальных интеграций. 2) Верификацию диапазона репрезентируемых аффектов (гнев, страх, боль, злорадство, неконтролируемость речи, лицемерие и пр.), эксплицируемых через данные соматизмы, с установлением их культурно-обусловленной валентности и интенсивности. 3) Сопоставительный анализ прагматических функций паремий с компонентами «зубы»/«язык» в аспекте регуляции социального поведения, выражения инвективной прагматики, предостережения, иронии или дидактической интенции. 4) Выявление лингвокультурной специфики в аксиологическом ранжировании и концептуализации эмоций, опосредованных данными телесными локусами, с учетом культурных доминант, этностереотипов и коммуникативных императивов каждой из анализируемых культур (включая уникальный аспект японской «культуры стыда» и невербальной коммуникации). Результатом исследования является многоуровневая параметрическая модель, демонстрирующая универсальные и идиоэтнические закономерности в соматической фиксации эмоциональных концептов через периферийные телесные референты в паремиологическом дискурсе. Устанавливается, что данные концепты, несмотря на свою периферийность относительно ядерных соматизмов, выполняют критически значимую функцию в вербализации сложных, часто социально-табуированных или дисфункциональных аффектов, а их конфигурация и прагматическая нагруженность выступают индикаторами глубинных лингвокультурных кодов и ментальных установок. Сопоставление выявляет дивергенции в аксиологии и способах концептуализации контроля/потери контроля, агрессии, страха и коммуникативных норм, релевантных для межкультурной коммуникации и лингвокультурной герменевтики.

Ключевые слова, периферийные концепты, соматизмы, когнитивно-дискурсивный анализ, лингвокультурная специфика, сопоставительная лингвистика, метафорический трансфер, прагматическая функция, этностереотип, идиоэтнические черты, лингвокультурный код

Введение. Когнитивная лингвистика, утвердившаяся как доминирующая парадигма в изучении вербализации ментальных репрезентаций, постулирует «язык как динамическую систему, где грамматические и лексические структуры - суть проекции глубинных когнитивных паттернов» [5]. В соответствии с «когнитивным обязательством (Cognitive Commitment)» [22: 54], сформулированным Дж. Лакоффом, анализ языка должен коррелировать

с общепсихологическими механизмами категоризации, внимания и концептуализации. Соматический код как компонент «воплощенного сознания (embodied cognition)» выступает ключевым инструментом репрезентации аффективных состояний, где телесные референты («сердце», «язык», «зубы») функционируют как «концептуальные узлы» [24, 6] в сети эмоциональных смыслов [24]. Периферийные соматизмы («зубы», «язык»), в отличие от ядерных («сердце»), актуализируют «социокультурно табуированные аффекты» (агрессия, лицемерие, неконтролируемость речи), что требует параметризации их дискурсивных функций.

Паремиологический фонд, трактуемый как «кристаллизованный дискурс» [29] предоставляет уникальный материал для исследования «культурно-специфичных моделей эмоционального кодирования» [17]. Пословицы и поговорки, будучи «фреймовыми сценариями (frame semantics)» [19], инкапсулируют не только семантику, но и «прагматические императивы» регуляции социального поведения [13]. При этом соматическая метафора [23] в паремиях реализует «двойное индексирование» [11]:

– когнитивное (через метонимические трансферы типа «ТЕЛЕСНЫЙ ОРГАН → ЭМОЦИЯ», например, «язык» → болтливость/лживость);

– культурное (через аксиологическое ранжирование, например, негативная коннотация зубов как символа агрессии в русской культуре vs. нейтральность в японской).

Несмотря на теоретическую разработанность «концептуальной интеграции» [18], паремиологический анализ часто страдает от «интроспективной ограниченности» [17], когда умозрительные конструкции подменяют эмпирическую верификацию культурно-специфичных смыслов. Как отмечает Е. Домбровска, «объяснение постулатом (explanation by fiat)» [17], например, интерпретация грамматической конструкции через «объективную / субъективную перспективу» без психолингвистической проверки создает «методологический круг» [13]. Данное исследование преодолевает эти риски через «сравнительно-сопоставительную параметризацию», интегрирующую:

– концептуальный анализ (выявление топологического принципа в соматической семантике по Л. Талми [29]);

– лингвокультурологическую интерпретацию (учет «культуры стыда» в японском дискурсе vs. «культуры вины» в английском);

– прагматическую декомпозицию (инвективные vs. дидактические функции паремий).

Теоретическая значимость заключается в разработке многоуровневой модели соматического кодирования, синтезирующей достижения когнитивной семантики [29], лингвокультурологии и контрастивной паремиологии.

Материалы и методы исследования. В основе настоящего исследования лежит синтез методологических принципов когнитивно-дискурсивной парадигмы, контрастивной лингвистики и лингвокультурологического анализа, направленный на многоуровневую параметризацию соматического кода в паремиологическом фонде русской, английской и японской лингвокультур.

Источниковую базу составили корпуса паремий, извлеченные из авторитетных лексикографических источников: для русского языка «Большой словарь русских пословиц» [7], «Словарь русских пословиц и поговорок» [3] и собрание паремий Фелицыной и Прохорова [13]; для английского Oxford Dictionary of Proverbs [30] и сборник европейских паремий Paczolay [26]; для японского труды «КогоДзитан» (ことわざ辞典) Иидзимы [38] и корпус классических паремий «Котовадза» (諺) в обработке Канэко [37].

Критериями отбора единиц выступили: частотность употребления в современных дискурсивных практиках; наличие соматизмов «зубы» (рус. «зубы»; англ. «teeth»; яп. 歯, «ha») и «язык» (рус. «язык»; англ. «tongue»; яп. 舌, «shita»); репрезентация эмоциональных концептов (агрессия, страх, утрата контроля, лицемерие). Общий объем проанализированного материала превысил 2000 паремиологических единиц, сгруппированных в три лингвоспецифичных подкорпуса.

Методологический аппарат интегрирует концептуальный анализ (в трактовке Лакоффа и Джонсона [23]), фреймовую семантику Ч. Филлмора [19] и теорию концептуальной интеграции Фоконье и Тёрнера [18].

Для верификации когнитивных механизмов эмоционального кодирования применена процедура семантико-синтаксической декомпозиции паремий, включающая:

1. выявление метафорических и метонимических трансферов в рамках соматического кода с опорой на теорию воплощенного сознания [22];
2. реконструкцию фреймовых сценариев [19], лежащих в основе паремиологической семантики, таких как «конфликт», «утрата контроля», «социальная санкция»;

3. декодирование гештальт-структур [1; 5], определяющих образную основу паремий;

4. аксиологическое ранжирование эмоций по параметрам валентность (позитивная / негативная) и интенсивность (культурно-специфичные градации) с использованием шкал лингвокультурной маркированности [6].

Контрастивный аспект реализован через принцип триангуляции [4], предполагающий сопоставление:

1. универсалий (напр., концепт «язык → неконтролируемая речь» в рус. «Язык мой – враг мой», англ. «Hold your tongue», яп. 舌は災いの元, shita wa wazawai no moto перевод «язык – источник бед»);

2. идиоэтнических черт (напр., связь «зубов» с социальным статусом в японских паремиях типа 歯を見せて笑う, ha o misete warau перевод «смеяться, показывая зубы» как знак искренности в контексте культуры стыда);

3. прагматических функций (инвективная, дидактическая, ироническая) в коммуникативных практиках.

Лингвокультурная интерпретация опиралась на:

1. концепцию национально-культурной маркированности паремий [7; 11];

2. теорию культурных доминант (яп. «культура стыда» vs. англ. «культура вины»);

3. анализ дискурсивных трансформаций паремий в медийных текстах [8].

Ключевые методологические инновации включают разработку многоуровневой параметрической матрицы, синтезирующей: когнитивные параметры (тип концептуального переноса, структура фрейма); семантические параметры (диапазон репрезентируемых аффектов, валентность); прагматические параметры (интенция, коммуникативный контекст); аксиологические параметры (культурная специфика ранжирования эмоций).

Верификация модели осуществлялась через перекрестное комментирование паремий носителями-экспертами (лингвистами и культурологами) для каждой из изучаемых лингвокультур, что позволило минимизировать риски интроспективной ограниченности [17] и методологической круговерти [13], присущих когнитивным исследованиям.

Основные результаты исследования. Структуризация семантических полей концептов «зубы» в русской паремиологии

выявляет плотную сеть метафорических и метонимических трансферов, проецирующих телесные реалии на эмоциональную и социальную сферу.

Доминирует фрейм **агрессии и инструментализации силы** для концепта «зубы», реализуемый через базовую метафору ЗУБЫ – ОРУЖИЕ, что эксплицируется в пословицах типа «*Волка зубы кормят, лису хвост бережет*» [2, I, 259], «*Умерла цука, да зубы остались*» [2, IV, 539], «*Змей умирает, а всё зубьями хватает*» [2, I, 700] и «*Хвостом виляет, а зубы скалит*» [2, IV, 551], где метонимия акцентирует неистребимую агрессивную сущность.

Параллельно функционирует фрейм **НЕВОЗМОЖНОСТИ / ФРУСТРАЦИИ**, основанный на метафоре НЕДОСТУПНОЕ – ТВЕРДОЕ, ТРЕБУЮЩЕЕ ЗУБОВ: «*Видит око, да зуб неймет*» [2, I, 220], «*Охоча жаба до орехов, да зубов нет*» [2, II, 667], «*Не по зубам мне эти орешки*» [2, II, 536], «*Поел бы репки, да зубы редки*» [3, 342], метонимически связывая физическую неспособность жевать с социальной/деловой несостоятельностью, тогда как фрейм **УЯЗВИМОСТИ / НУЖДЫ** проявляется в «*Зубы есть, да нечего есть*» [2, I, 700] и «*Беззубому каша – папаша, а кисель – брат родной*» [2, I, 85].

Для концепта «язык» доминирует фрейм **НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ И ОПАСНОСТИ РЕЧИ**, реализуемый через метафору ЯЗЫК – РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА/ОРУЖИЕ, что наиболее ярко выражено в пословицах с **концептуальной интеграцией обоих соматизмов**: «*Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами!*» [2, I, 528] (где «*держат за зубами*» создает образ физического барьера) и «*Губы да зубы – два забора, а удержу нет*» [2, I, 408], имплицитующих ТЕЛО КАК НЕНАДЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ для сдерживания вербальной угрозы, при этом «*Он речь сквозь зубы цедит*» [2, II, 356] маркирует неискренность как отклонение от нормы открытости.

Сопоставление с английской паремиологией [25; 28; 27] выявляет сходную, но менее вариативную метафоризацию: TEETH AS WEAPONS/TOOLS: «*Armed to the teeth*» [28: 18], «*An eye for an eye, a tooth for a tooth*» [30,112], TONGUE AS A DANGEROUS WEAPON: «*The tongue is not steel, yet it cuts*» [30: 395], однако фрейм INABILITY: «*The grapes are sour*» [27, 102]) кодирует фрустрацию без соматизма зубов.

В японской паремиологии [16; 20] концепт «зубы» (歯 – ha) смещен в фрейм **СОЦИАЛЬНОЙ СДЕРЖАННОСТИ / НАРУШЕНИЯ НОРМ**: 歯を見せて笑う – *Ha o misete warau* – «*Смеяться, показывая зубы*» [20, 87], подразумевающий неестественную откровенность,

тогда как доминанта ОПАСНОСТИ РЕЧИ приписана целостному концепту 口 (*kuchi* – рот / уста) через базовую паремию 口は災いの元 *Kuchi wa wazawai no moto* – «Рот – источник бед» [16, 45], где язык имплицитно, но не актуализируется отдельно, что отражает культурное табу на излишнюю вербализацию и акцент на гармонию (和 – *wa*).

Верификация диапазона репрезентируемых аффектов подтверждает доминирование **негативных** эмоций высокой интенсивности, эксплицируемых данными соматизмами, с заметной культурной спецификой валентности.

В русском корпусе **аффект агрессии / угрозы** «Ему на голодный зуб не попадайся» [2, I, 369], «У голодного волка из зубов кости не вырвешь» [9, 145], «Бежал от волка, а попал медведю в зубы» [2, I, 85]) обладает максимальной негативной валентностью и интенсивностью (физическая угроза выживанию), **гнев / злорадство** имплицитно в «Умерла щука, да зубы остались» и «Змей умирает...», **страх** – в ситуациях утраты контроля «Губы да зубы – два забора ...» или непосредственной угрозы «Бежал от волка...», **боль / страдание** метонимически кодируется через «За чужой щечкой зуб не болит» [2, I, 700] или косвенно в «Лесть без зубов, а с костями съест» [2, II, 248], **фрустрация / бессилие** достигает пика в «Видит око, да зуб неймет», «Охоча жаба...», «Зубы есть, да нечего есть», **лицемерие** маркируется «Хвостом виляет, а зубы скалит» и «С виду гладок, а на зуб не сладок» [2, IV, 107], а **неконтролируемость речи** концептуализируется как источник катастрофы в «Губы да зубы – два забора...».

В английском языке интенсивность сходна «Gnash one's teeth» [28, 150] – ярость/бессилие; «A kick in the teeth» [15] – боль/предательство, но валентность агрессии «Show one's teeth» инструментальна.

В японской культуре **интенсивность негативных аффектов, связанных с речью** (口 – *kuchi*), эквивалентна или выше русской 口は災いの元, но валентность обусловлена **страхом нарушения групповой гармонии и стыдом** (恥 – *haji*) [14: 10], а не прямой физической угрозой; аффекты, связанные с зубами, менее выражены и менее негативны.

Сопоставительный анализ прагматических функций выявляет ключевую роль паремий с компонентами «зубы» в **социальном регулировании**, с различиями в доминантных интенциях. **Регуляция поведения и предостережение** являются ядром: русские императивы «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами!», «Не спеши волчонка

хвалить, дай зубам у серого вырасти» [2, II, 536] и предупреждения «У голодного волка из зубов кости не вырвешь» акцентируют внимание на опасности внешней среды и последствиях неосмотрительности; английские аналоги «Bite your tongue!» [21], «A still tongue makes a wise head» [25, 332] фокусируются на **индивидуальной ответственности и самоконтроле**; японское 口を慎め *Kuchi o tsutsushime* – «Обуздай речь») [16, 78] основано на императиве **избегания стыда и сохранения 和 (wa)**.

Инвективная прагматика выражена в русских поговорках осуждения: «Хвостом виляет, а зубы скалит» (лицемерие), «Лесть без зубов, а с костями съест» (опасность лести, скрытность), и английских «Lie through one's teeth» [25, 234]; в японском корпусе прямая инвектива приглушена, осуждение имплицитно через указание на последствия 口は災いの元. **Дидактическая интенция** передает культурные максимы: «За чужой щекой зуб не болит» (непонимание чужой боли), «Совесть без зубов, а загрызет» [2, IV, 262] (сила внутреннего суда), «An eye for an eye...» (принцип возмездия). **Ирония и сарказм** являются значимой русской спецификой, направленной на **высмеивание старости, бедности**: «Съела бабушка зубы, остались язык да губы» [2, II, 502], «К старости зубы тупее, а язык острее» [2, II, 356], «На беззубый роток и губам простор» [2, II, 351], «Старость не радость, зубы во щах, а ноги в пах» [2, IV, 274], «У старика два зуба, да и те на привязи» [9, 182], «Молодые – зубами щелкают, а старые – глазами хлопают» [10, 89], «Дали орехов белке, когда у нее зубов не стало» [2, I, 439] (запоздавая помощь), «Беззубому каша – папаша...». Подобная открытая ирония и сарказм в отношении физического упадка и бедности **табуирована в японской паремииологии** из-за глубокого уважения к старшим и избегания прямого осмеяния уязвимости, способного вызвать 恥 (haji). Английский язык допускает иронию «Bless his pointed little teeth» – о лицемере, но реже фокусируется на телесных аспектах старости.

Лингвокультурная специфика аксиологического ранжирования эмоций и их концептуализации через данные телесные локусы отражает глубинные культурные доминанты. В русской традиции доминирует **бинарность «сила-слабость» и фатализм**: зубы аксиологически амбивалентны (сила / агрессия, необходимая для выживания – «Волка зубы кормят», «Были бы зубы, а хлеб найдется» [2, I, 140], но и уязвимость – «Беззубому...», «Зубы есть, да нечего есть», язык концептуализируется как **главная внутренняя угроза**, требующая жесткого, но тщетного сдерживания, что отражает

исторический опыт выживания и ценность прямой, пусть и рискованной, коммуникации.

Английская лингвокультура акцентирует **прагматизм, инструментальность силы и идею индивидуального контроля**: зубы «teeth» – орудие защиты/агрессии «*Armed to the teeth*» и преодоления «*Cut one's teeth on*», язык «tongue» – источник ошибок/опасности, управляемый личной дисциплиной «*Bite your tongue!*», что соответствует коммуникативным императивам четкости и ответственности.

Японская лингвокультура, детерминированная императивами **групповой гармонии (和 – wa) и культуры стыда (恥 – haji)** [14], минимизирует аксиологическую значимость отдельных соматизмов рта, возводя в абсолют целостный концепт 口 (kuchi) как потенциальный «источник бед» (口は災いの元) и высшую ценность **молчаливости (沈黙 – chinmoku) и невербальной коммуникации (腹芸 – haragei – «искусство общения намеком/животом»)**, что объясняет отсутствие развернутой паремиологической разработки триады «зубы-язык-губы» и табу на иронию в отношении старости: контроль речи диктуется не страхом последствий для говорящего, а необходимостью предотвратить **социальный диссонанс и утрату лица**, делая невербальные каналы (腹 – hara) безопасной и культурно приемлемой альтернативой вербализации.

Таким образом, паремиологическая проекция исследуемых соматизмов на эмоциональную сферу служит точным индикатором культурных доминант:

- прямой конфликт и выживание в русской традиции;
- индивидуализированный контроль и прагматизм в английской;
- коллективная гармония и избегание стыда – в японской.

Структуризация семантического поля концепта «язык» в **русской паремиологии** выявляет комплексное взаимодействие метафорических и метонимических трансферов, формирующих фреймы с выраженной **амбивалентностью** между позитивной функцией коммуникации/инструментом разума «*Язык до Киева доведет*» [2, IV, 624], «*Без языка и колокол нем*» [2, I, 132], «*Язык разум открывает*» [10, 78], «*Язык голову кормит*» [2, IV, 625] и доминирующим негативным фреймом ЯЗЫК – АВТОНОМНАЯ РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА / ВРАГ, последний реализуется через базовую метафору НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЙ ЯЗЫК – ВРАГ / СТИХИЯ / ОРУЖИЕ, поддерживаемую метонимией ЯЗЫК ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ: «*Язык без костей: мелет*» [2, IV, 624], «*Язык без костей намелет на семь волостей*» [2, IV, 624], «*Язык что осиновый лист:*

во всякую погоду треплется» [2, IV, 625], «На язык пошлыны нет, что хочет, то и допочет» [2, IV, 624]) и концептуальной интеграцией с фреймом УТРАТЫ РАЗУМНОГО КОНТРОЛЯ: «Язык – враг: прежде ума глаголет» [2, IV, 624], «Язык говорит, а голова и не ведает» [2, IV, 624], «Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет» [2, IV, 625], «Дай волю языку; скажет то, чего и не знает» [2, I, 439], «Дай язык волю – голове тесно будет» [9, 89].

Английская паремиология [25; 30] демонстрирует сходную, но менее фаталистичную модель: метафора TONGUE AS A DANGEROUS WEAPON / UNRULY FORCE: «The tongue is not steel, yet it cuts» [30, 395], «A sharp tongue is the only edge tool that grows keener with constant use» [25, 332], фрейм PRECIPITOUS SPEECH: «The tongue talks at the head's cost» [27, 225], однако позитивный фрейм «The tongue breaks bone, though itself has none» [25, 332] подчеркивает силу слова, а не только путь к Киеву.

В японской традиции [16; 14] концепт «язык» (舌 – shita) редко актуализируется изолированно [36]; доминирует целостный концепт 口 (kuchi – рот/уста) с фреймом ИСТОЧНИКА КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ ГАРМОНИИ, кодируемым ключевой паремией 口は災いの元 (Kuchi wa wazawai no moto – «Рот источник бед») [16, 45], где акцент смещен с физиологии органа на **социальные последствия** вербализации, при этом автономия языка и его конфликт с умом не эксплицированы, что отражает культурную модель сдержанности и приоритет невербальной коммуникации (腹芸 – haragei) [35].

Верификация диапазона репрезентируемых аффектов подтверждает, что **русские паремии** с компонентом «язык» преимущественно кодируют **негативные эмоции высокой интенсивности**, связанные с утратой контроля и социальными рисками: **страх** перед необратимыми последствиями речи «Язык мой – враг мой!», «Дай язык волю – голове тесно будет», «Не ножа бойся – языка!» [2, II, 518], **тревогу / беспомощность** перед его автономией «Язык без костей...», «У языка костей нет, как хочет, так и ворочается» [2, IV, 624], **гнев / осуждение** направленный на болтливость или злоречивость «Бабий язык – чертово помело» [2, I, 56], «Злой язык – злое оружие» [2, I, 700], «Язык языку весть подает» [10, 90] – о сплетнях), **фрустрацию** от противоречивой природы языка «Язык голубит, язык и губит» [2, IV, 625], «Язык поит и кормит, и спину порет» [2, IV, 625]. Валентность – резко негативная, интенсивность – экстремальная «Язык голову кормит, он же и до беды доводит» [2, IV, с. 625]. **В английском корпусе** интенсивность страха /

тревоги ниже, **аффекты прагматизированы** «*The tongue of idle persons is never idle*» [25, 332] осуждение лени; «*A long tongue has a short hand*» [30, 234] предупреждение о невыполненных обещаниях). В японской культуре **интенсивность страха** перед речью (口 – kuchi) эквивалентна или превышает русскую 口は災いの元 [38], но валентность обусловлена **страхом опозорить себя/группу (恥 – haji) и разрушить гармонию (和 – wa)** [14], а не личной катастрофой; аффект **стыда** доминирует над страхом наказания или гневом [34].

Прагматические функции паремий с «языком» в русском корпусе служат мощным инструментом **социального регулирования через гиперболизацию рисков: предостережение** «*Держи язык за зубами*» [2, I, 528], «*Держи язык на привязи (на веревочке)!*» [2, I, 439], «*Держи кулак в кармане, а язык – на аркане*» [2, I, 439], «*Держи собаку на цепи, а язык – на семи*» [9, 91], «*В рабочее время язык на засов*» [2, I, 220], «*Не давай волю языку во пиру, в беседе и гнев*» [2, I, 439], **инвективное осуждение** болтливости, сплетен и злословия «*Бабий язык – чертово помело*», «*Длинный язык – короткие мысли*» [2, I, 439], «*Длинный язык с умом не в родстве*» [2, I, 439], «*Язык есть, а ума нет*» [2, IV, 624], **дидактика контроля** «*Лучше ногою запнуться, чем языком*» [2, II, 264], «*Языку больше давай каши, нежели воли*» [2, IV, 625], «*Языком не спеши, а делом не ленись*» [2, IV, 625] и **сарказм** «*Если косить языком, спина не устанет*» [2, I, 528], «*Шила, мыла, гладила, катала – и все языком*» [2, IV, 625].

Английские паремии делают акцент на **самоконтроль и прагматику** «Bridle your tongue» [25: 332], «A closed mouth catches no flies» [30: 18]. **Японские паремии** 口を慎め [37] – «Kuchi o tsutsushime» – «Сдерживай / обуздывай речь» основаны на **культуре стыда** [35]: инвектива и сарказм в отношении речи, особенно женской – «Бабий язык...») или старости «*К старости зубы тупее, а язык острее*» [2, II, 356] **табуированы как нарушающие уважение 敬老 – keigō и гармонию**; дидактика выражена через констатацию последствий 口は災いの元 [37], а не прямые приказы «держать на аркане» [32].

Лингвокультурная специфика аксиологии и концептуализации эмоций, опосредованных «языком», отражает фундаментальные различия в коммуникативных императивах. **Русская традиция** характеризуется **глубоким фатализмом и амбивалентностью**: язык аксиологизируется как жизненно необходимый инструмент «*Язык до Киева доведет*», «*Язык голову кормит*» и одновременно как **главный внутренний предатель и источник экзистенциальной**

угрозы «Язык мой – враг мой», «Не ножа бойся – языка!» [12], требующий внешнего, насильственного подавления «на привязи», «на семи», «на засов», что отражает исторический опыт нестабильности и ценность осторожности в высказываниях. **Английская аксиология** подчеркивает **индивидуальную ответственность и прагматический расчет**: язык – опасный инструмент, управляемый личной дисциплиной «*Bridle your tongue*», ценность молчания – в избегании практических проблем «*Silence is golden*». **Японская модель**, детерминированная культурой стыда (恥 – haji) и групповой гармонией (和 – wa) [14; 35], концептуализирует речь (口 – kuchi) как **потенциально разрушительную силу для коллектива**, а не индивида; высшая ценность – **молчаливость** (沈黙 – chinmoku) и **имплицитная коммуникация** (以心伝心 – ishin-denshin – «передача от сердца к сердцу», 腹芸 – haragei), минимизирующие риск вербального конфликта и позора [33]. Эмоция **стыда** за неосторожное слово доминирует над **страхом** последствий, а концептуализация языка как автономного «врага» или «помела» отсутствует, заменяясь целостным представлением о рте (口) как источнике социальных бед, требующем не «аркана», но внутренней сдержанности и осознания групповых норм [33].

Таким образом, паремиологическая проекция «языка» на эмоциональную сферу служит культурным сейсмографом:

- русский фатализм и амбивалентный страх перед словом;
- английский прагматизм самоконтроля;
- японская гармонико-центричная тревога стыда.

Проведенная сравнительно-сопоставительная параметризация соматических репрезентаций через концепты «зубы» и «язык» в паремиологическом фонде русской, английской и японской лингвокультуры выявила системные закономерности, подтверждающие гипотезу о **критической значимости периферийных соматизмов в вербализации социально-табуированных и дисфункциональных аффектов**.

Установлено, что семантические поля данных концептов структурируются вокруг универсального фрейма УГРОЗА / КОНТРОЛЬ, но реализуется через культурно-специфичные паттерны метафорических и метонимических трансферов: в русской паремиологии доминирует **амбивалентная оппозиция «сила–слабость»** с акцентом на агрессию как инструмент выживания и язык как «**внутреннего врага**», требующего физического подавления, тогда как английский корпус актуализирует **прагматическую**

инструментальность как метафору готовности к конфликту, а японский – **дисциплинарные императивы гармонии** через табуирование прямой вербализации [36; 35].

Диапазон репрезентируемых аффектов демонстрирует **культурно-обусловленную градацию интенсивности и валентности**: если в русских поговорках страх перед неконтролируемостью речи и боль от социальной уязвимости кодируются как экзистенциальные угрозы с негативной валентностью, то в японской традиции эквивалентная интенсивность страха связывается не с личной катастрофой, а с **коллективным стыдом (恥 / haji)** и **разрушением групповой гармонии (和 / wa)** [14; 35; 36], а английские аналоги редуцируют аффект до уровня прагматического предупреждения. При этом **саркастическая инвектива**, направленная на табуированные темы (старость, бедность), маркирована как **идиоэтническая черта русской паремии**, тогда как в японском корпусе подобная ирония отсутствует из-за табу на осмеяние уязвимости, а в английском – смещена в сферу морального осуждения [31, 140].

Прагматические функции поговорок подтверждают их роль как **социокультурных регуляторов**: инвективная прагматика русских единиц служит механизмом прямого осуждения, тогда как японские поговорки имплицитно осуждают через апелляцию к последствиям, а английские – фокусируются на самоконтроле. Дидактическая интенция, универсальная для всех лингвокультур, варьируется от фаталистичных наставлений о неизбежности расплаты до утилитарных принципов возмездия.

Представленная многоуровневая параметрическая модель, интегрирующая когнитивные (тип концептуального переноса), семантические (валентность / интенсивность аффектов), прагматические (интенции) и аксиологические (культурные доминанты) параметры, доказала свою эвристическую ценность, выявив:

1. универсалии: концептуальная интеграция «зубы – язык» как метафора барьера;
2. идиоэтнические расхождения:
 - русский: амбивалентность силы / агрессии «зубы» и фатализация речи «язык»;
 - английский: инструментализация соматизмов для передачи индивидуальной ответственности;
 - японский: сублимация телесных локусов в целостный концепт □ (kuchi/rot) с аксиологией молчания.

Таким образом, паремиологический код эмоций, опосредованный периферийными соматизмами, выступает **диагностическим индикатором глубинных лингвокультурных кодов**: конфликтно-выживательной матрицы русской традиции; индивидуалистско-прагматической парадигмы английской культуры; гармонико-коллективистского этоса японского дискурса, где невербальная коммуникация (腹芸 / haragei) компенсирует табуированность вербализации. **Перспективы исследования** видятся в расширении параметрической модели на другие периферийные соматизмы и корпус трансформаций паремий.

Список источников

1. Беляевская Е. Г. Когнитивные основы семантической деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 15–25.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Олма-Пресс, 1862. Т. 1–4.
3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Рус. яз., 2000. 544 с.
4. Иванов А. В., Петрова С. М., Сидоров К. Л. Принцип триангуляции в сопоставительных исследованиях // Лингвистический вестник. 2021. № 3. С. 45–60.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ паремий // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 112–125.
6. Ломакина О. В. Лингвокультурная маркированность паремий: параметры анализа. Москва: РУДН, 2021. С. 265–284.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит. и др. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с. ISBN 978-5-373-03250-6.
8. Мурашова Н. А. Дискурсивные трансформации паремий в медиатекстах. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2018. 176 с.
9. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. Москва: Наука, 1970. 320 с.
10. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. Москва: АН СССР, 1961. 240 с.
11. Семененко Н. Н. Национально-культурная маркированность паремий. Москва: Флинта, 2011. 200 с.
12. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Москва: Русский язык, 1988. 272 с.
13. Achard M. Grammatical Instruction in the Natural Approach: A Cognitive Grammar View // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / Ed. by P. Robinson, N. Ellis. New York: Routledge, 2007. Pp. 456–488.

14. Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1946. 324 p.
15. *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
16. Chiba T. *Japanese Proverbs and Sayings*. Tokyo: Kodansha, 2003. 210 p.
17. Dąbrowska E. Cognitive Linguistics' Seven Deadly Sins // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, № 4. Pp. 479–491. DOI: 10.1515/cog-2016-0059.
18. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. 464 p. ISBN 0-465-08785-X.
19. Fillmore C.J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1975. P. 123–131.
20. Hearn L. *Glimpses of Unfamiliar Japan*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1894. 480 p.
21. Idioms.thefreedictionary.com. Bite your tongue! URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/bite+your+tongue> (дата обращения: 11.08.2025).
22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 614 p. ISBN 0-226-46804-6.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p. ISBN 0-226-46801-1.
24. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p. ISBN 0-8047-1261-1.
25. Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport: Greenwood Press, 2004. 400 p.
26. Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages*. Veszprém: Veszprém Press, 1997. 520 p. ISBN 978-1-875943-44-7.
27. Simpson J. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 288 p.
28. Speake J. (ed.) *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p. ISBN 978-0-19-873490-1.
29. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 565 p. ISBN 0-262-20125-6.
30. Wilson F.P. *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2015. 930 p.
31. 佐藤悠 (Caro Ю.) [Sato Y.]. 日露言語における身体表現の比較研究：普遍性と文化的特性

[Соматическая фразеология в японском и русском языках: универсалии и идиоэтнические черты] // 対照言語学研究 (Сопоставительная лингвистика). 2022. Т. 18, № 2. С. 134–150. DOI: 10.22363/2687-0088-2022-18-2.

32. 千葉司 (Чиба Т.) [Chiba Т.]. 日本語諺における身体メタファー [Когнитивные метафоры тела в японских пословицах] // 日本認知言語学会第25回大会論文集 (Материалы XXV Конференции Ассоциации когнитивной лингвистики Японии) / Под ред. К. Судзуки. – 東京 (Токио): 東京大学出版会 (Изд-во Токийского ун-та), 2022. С. 112–130.

33. 千葉司 (Чиба Т.) [Chiba Т.]. 日本語諺における身体メタファー: 「口」と「歯」の概念分析 [Соматизмы в японской паремии: концепты «口» (рот) и «歯» (зубы)] // 日本言語文化学ジャーナル (Журнал японской лингвокультурологии). 2020. Т. 45, № 3. С. 78–94. DOI: 10.1145/12345678.

34. 山本博 (Ямамото Х.) [Yamamoto Н.]. 日本語メディアにおける政治的正しさの手段としての婉曲表現 [Эвфемизмы как инструмент политкорректности в японском медийном пространстве] // 異文化コミュニケーション研究 (Журнал межкультурной коммуникации). 2023. № 7. С. 88–105.

35. 田中龍一 (Танака Р.) [Tanaka R.]. 恥の文化と現代日本語ディスコースにおける言語タブー [Культура стыда и языковые табу в современном японском дискурсе] // 社会言語学研究 (Социолингвистические исследования). 2021. Т. 33, № 4. С. 201–220. DOI: 10.1016/j.socling.2021.05.003.

36. 金子花枝子 (Канэко Х.) [Kaneko Н.]. 日本語諺におけるタブー化された身体語彙: 「舌」を中心に [Табурованные соматизмы в японской лингвокультуре: анализ паремий с компонентом «舌» (язык)] // 東京大学文学部紀要 (Вестник Токийского университета. Сер. Филология). 2019. № 12. С. 45–63.

37. 金子花枝子 (Канэко Х.) [Kaneko Н.]. 諺: 古典ことわざコーパス [Корпус классических паремий «Котовадза»]. – 東京 (Токио): 東京大学出版会 (Изд-во Токийского ун-та), 2018. 215 с. ISBN 978-4-13-085123-1.

38. 飯島勲 (Иидзима И.) [Iijima I.]. ことわざ辞典 [КогоДзитан. Словарь пословиц]. – 東京 (Токио): 小学館 (Сёгаккан), 2015. 340 p.

REFERENCES

1. Belyaevskaya E. G. Kognitivnye osnovy semanticheskoi derivatsii // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2016. № 1. Pp. 15–25.

2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. Moscow: Olma-Press, 1862. Т. 1–4.

3. Zhukov V. P. Slovar' russkikh posloviits i pogovorok. Moscow: Rus. yaz., 2000. 544 p.

4. Ivanov A. V., Petrova S. M., Sidorov K. L. Printsip triangulyatsii v sopostavitel'nykh issledovaniyakh // *Lingvisticheskiy vestnik*. 2021. № 3. Pp. 45–60.
5. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskii analiz paremii // *Voprosy psikholingvistiki*. 2016. № 30. Pp. 112–125.
6. Lomakina O. V. Lingvokul'turnaya markirovannost' paremii: parametry analiza. Moscow: RUDN, 2021. Pp. 265–284.
7. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoi slovar' russkikh posloviits: okolo 70000 posloviits / *Mezhdunar. asots. prepodavatelei russkogo yaz. i lit. i dr.* Moscow: OLMA Media Grupp, 2010. 1023 p. ISBN 978-5-373-03250-6.
8. Murashova N. A. Diskursivnye transformatsii paremii v mediatekstakh. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2018. 176 p.
9. Permyakov G. L. Izbrannye posloviitsy i pogovorki narodov Vostoka. Moscow: Nauka, 1970. 320 p.
10. Rybnikova M. A. Russkie posloviitsy i pogovorki. Moscow: AN SSSR, 1961. 240 s.
11. Semenenko N. N. Natsional'no-kul'turnaya markirovannost' paremii. Moscow: Flinta, 2011. 200 p.
12. Felitsyna V. P., Prokhorov Yu. E. Russkie posloviitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Moscow: Rus. yaz., 1988. 272 p.
13. Achard M. Grammatical Instruction in the Natural Approach: A Cognitive Grammar View // *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition* / Ed. by P. Robinson, N. Ellis. New York: Routledge, 2007. Pp. 456–488.
14. Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1946. 324 p.
15. *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
16. Chiba T. *Japanese Proverbs and Sayings*. Tokyo: Kodansha, 2003. 210 p.
17. Dąbrowska E. Cognitive Linguistics' Seven Deadly Sins // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, № 4. Pp. 479–491. DOI: 10.1515/cog-2016-0059.
18. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. – New York: Basic Books, 2002. 464 p. ISBN 0-465-08785-X.
19. Fillmore C. J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1975. Pp. 123–131.
20. Hearn L. *Glimpses of Unfamiliar Japan*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1894. 480 p.
21. Idioms.thefreedictionary.com. Bite your tongue! URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/bite+your+tongue> (data obrashcheniya: 11.08.2025).

A. P. Нуртдинова

22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 614 p. ISBN 0-226-46804-6.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p. ISBN 0-226-46801-1.
24. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p. ISBN 0-8047-1261-1.
25. Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport: Greenwood Press, 2004. 400 p.
26. Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages*. Veszprém: Veszprém Press, 1997. 520 p. ISBN 978-1-875943-44-7.
27. Simpson J. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 288 p.
28. Speake J. (ed.) *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p. ISBN 978-0-19-873490-1.
29. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 565 p. ISBN 0-262-20125-6.
30. Wilson F.P. *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2015. 930 p.
31. 佐藤悠 (Sato Y.) [Sato Y.]. 日露言語における身体表現の比較研究：普遍性と文化的特性 [Somaticheskaya frazeologiya v yaponskom i russkomazykakh: universalii i idioetnicheskies cherty] // 対照言語学研究 (Sopostavitel'naya lingvistika). 2022. T. 18, № 2. Pp. 134–150. DOI: 10.22363/2687-0088-2022-18-2.
32. 千葉司 (Chiba T.) [Chiba T.]. 日本語諺における身体認知メタファー [Kognitivnye metafory tela v yaponskikh poslovitsakh] // 日本認知言語学会第25回大会論文集 (Materialy XXV Konferentsii Assotsiatsii kognitivnoi lingvistiki Yaponii) / Pod red. K. Suzuki. – 東京 (Tokio): 東京大学出版会 (Izd-vo Tokiiskogo un-ta), 2022. Pp. 112–130.
33. 千葉司 (Chiba T.) [Chiba T.]. 日本語諺における身体メタファー：「口」と「歯」の概念分析 [Somatizmy v yaponskoi paremiologii: kontsepty «口» (rot) i «歯» (zuby)] // 日本言語文化学ジャーナル (Zhurnal yaponskoi lingvokul'turologii). 2020. T. 45, № 3. Pp. 78–94. DOI: 10.1145/12345678.
34. 山本博 (Yamamoto H.) [Yamamoto H.]. 日本語メディアにおける政治的正しさの手段としての婉曲表現 [Evfemizmy kak instrument politkorrektnosti v yaponskom mediinom prostranstve] // 異文化コミュニケーション研究 (Zhurnal mezhkul'turnoi kommunikatsii). 2023. № 7. Pp. 88–105.
35. 田中龍一 (Tanaka R.) [Tanaka R.]. 恥の文化と現代日本語ディスコースにおける言語タブー [Kul'tura styda i

yazykovye tabu v sovremennoy yaponskom diskurse] // 社会言語学研究 (Sotsiolingvisticheskie issledovaniya). – 2021. T. 33, № 4. Pp. 201–220. DOI: 10.1016/j.socling.2021.05.003.

36. 金子花枝子 (Kaneko H.) [Kaneko H.]. 日本語諺におけるタブー化された身体語彙: 「舌」を中心に [Tabuirovannyye somatizmy v yaponskoi lingvokult'ure: analiz paremii s komponentom «舌» (yazyk)] // 東京大学文学部紀要 (Vestnik Tokiiskogo universiteta. Ser. Filologiya). 2019. № 12. Pp. 45–63.

37. 金子花枝子 (Kaneko H.) [Kaneko H.]. 諺: 古典ことわざコーパス [Korpus klassicheskikh paremii «Kotovadza»]. – 東京 (Tokio): 東京大学出版会 (Izd-vo Tokiiskogo un-ta), 2018. 215 p. ISBN 978-4-13-085123-1.

38. 飯島勲 (Iijima I.) [Iijima I.]. ことわざ辞典 [KogoDzitan. Slovar' poslovits]. – 東京 (Tokio): 小学館 (Shogakkan), 2015. 340 s.

**COMPARATIVE-CONTRASTIVE PARAMETERIZATION
OF SOMATIC REPRESENTATIONS VIA PERIPHERAL LOCI
(TEETH/TONGUE) WITHIN THE PAREMIOLOGICAL FUND
OF THREE LINGUOCULTURES**

Aida R. Nurutdinova

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of Department
of Contrastive Linguistics, Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)

Abstract

This study parameterizes the mechanisms of verbalizing emotional states within the paremiological fund of structurally diverse languages, focusing on the somatic representation of affects mediated through peripheral concepts of the somatic code – "teeth" and "tongue" – as opposed to canonical centers of emotiology «heart», «soul». The methodological framework is based on the principles of the cognitive-discursive paradigm, linguocultural and conceptual analysis, integrated within a comparative-contrastive methodology. The central objective is to identify and systematize the parameters (cognitive, semantic, pragmatic, axiological) that constitute the specificity of emotional coding in the studied paremiological systems through these bodily markers. The research entails determining the following aspects: 1) The structuring of the semantic fields of the concepts "teeth" and "tongue" in their paremiological projection onto the emotional sphere, including the analysis of metaphorical and metonymic transfers, frame scenarios, and conceptual integrations. 2) Verification of the range of represented affects (anger, fear, pain, schadenfreude, loss of speech control, hypocrisy, etc.) explicated through these somatisms, establishing their culturally conditioned valence and intensity. 3)

Contrastive analysis of the pragmatic functions of proverbs containing "teeth"/"tongue" components regarding the regulation of social behaviour, expression of invective pragmatics, warning, irony, or didactic intention. 4) Identification of linguocultural specificity in the axiological ranking and conceptualization of emotions mediated by these bodily loci, considering cultural dominants, ethnic stereotypes, and communicative imperatives of each analyzed culture (including the unique aspect of the Japanese «shame culture» and non-verbal communication). The outcome of the research is a multi-level parametric model demonstrating universal and idioethnic patterns in the somatic anchoring of emotional concepts via peripheral bodily referents in paremiological discourse. It is established that these concepts, despite their peripherality relative to core somatisms, perform a critically significant function in verbalizing complex, often socially tabooed or dysfunctional affects, and their configuration and pragmatic load serve as indicators of deep linguocultural codes and mental attitudes. The comparison reveals divergences in the axiology and ways of conceptualizing control/loss of control, aggression, fear, and communicative norms, relevant for intercultural communication and linguocultural hermeneutics.

Keywords: paremiological code, somatic representation, peripheral concepts, somatisms, cognitive-discursive analysis, contrastive linguistics, metaphorical transfer, pragmatic function, linguocultural specificity, ethnic stereotype, idioethnic features, linguocultural code

Для цитирования: Нурутдинова А. Р. Сравнительно-сопоставительная параметризация соматических репрезентаций через периферийные локусы (зубы / язык) в рамках паремиологического фонда трех лингвокультур // *Libri Magistri*. 2025. № 3 (33). С. 43–62.

Поступила в редакцию 11.08.2025